

интересует в целом и в целом обществе. С другой стороны, выглядело бы крайне необычно, если бы социолог, изучающий социальную группу школьников, в своем исследовании стал приводить, например, описания школьных зданий или одежды учеников и учителей.

Таким образом, по контрасту с социологией в первом приближении предметом исследования этнологии (этнографии) являются общества с естественным разделением труда, взятые во всем объеме (т. н. *Naturvölker*). Могут исчезнуть конкретные общества (народы) как носители данной системы отношений, но предмет исследования исчезнуть не может, пока не исчезнут этнографические источники, хранящие в себе информацию о нем. Социологу не возбраняется пользоваться для своих построений этнографическими материалами, но от этого он не становится этнографом, как этнография (этнология) — частью социологии. С одной стороны, «социологом» может стать профессионально слабо подготовленный этнограф, с другой — этносоциология действительно является разделом социологии.

Представление о «народах». Историческая и географическая концепции происхождения этнографии

Известный французский историк Жак Ле Гофф отмечает, что в эпоху Просвещения объектом изучения историков стали считаться лишь «цивилизованные» народы, идущие по пути прогресса; изучение же «варварских» племен стало с XIX в. уделом этнологов [цит. по: Кром 2001 : 29]. Принадлежность этнографии (*Ethnographie* или *Völkerkunde*) к историческим наукам обосновывается программными положениями Августа Шлёцера, датируемыми 1771 г. Как мы уже упоминали, согласно Шлёцеру, наряду с «историей государств» должна быть и «история народов», или *Völkergeschichte* [Фермойлен, 1994 : 102].

Можно даже предположить, что впервые эти положения прозвучали в его лекциях, прочитанных в Геттингенском университете, несколько раньше. Как известно, до этого Шлёцер работал несколько лет в Санкт-Петербургской Академии наук по приглашению академика Ф. И. Миллера (Мюллер, Müller). По архивным документам того времени (Журналам

Комиссии Академии наук) официальное увольнение Шлёцера относится к 4 января 1770 г., хотя его отъезд из Санкт-Петербурга в Геттинген по заданию Академии состоялся в 1767 г. [ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 537, л. XVI, д. 540, л. 13, 142]. Подлинным автором идеи «истории народов» следует считать российского академика Федора Ивановича (Герарда-Фридриха) Миллера. Во всяком случае то направление, которое приняли научные интересы Шлёцера, было полностью обусловлено влиянием идей Миллера. В 1761 г., приглашая Шлёцера в Россию, Миллер писал следующее: «...по видимому, Россия есть поле, над которым работать предопределено вам Провидением. Естественная история тесно связана с политической историей и географией, и ни в какой другой стране невозможно делать так много новых открытий, как в России» [Пекарский 1880 : 375].

Х. Ф. Фермойлен упоминает факт использования Миллером термина «описание народов» (*Völkerbeschreibung*) в тексте инструкции И. З. Фишеру 1740 г., относящейся к его участию во второй Камчатской экспедиции [Фермойлен 1994 : 107]. Из других известных ему фактов он указывает на то, что термин *Völkerbeschreibung* через 40 лет появляется в журнале Палласа (1781—1786) и в трудах Георги (1783), и подчеркивает, что этот термин является точным эквивалентом понятия *Ethnographie* [Фермойлен 1994 : 107]. «Знаменательно, — пишет Фермойлен, — что находим мы данные термины в контексте естественноисторических, географических и этнографических (по своему характеру. — П. Б.) исследований XVIII в. Мы не будем удивлены, обнаружив при дальнейших изысканиях и другие свидетельства давнего бытования этого понятия в русской литературе. А может быть, и само слово было изобретено в недрах интернационального сообщества Санкт-Петербурга, а уж потом появилось в геттингенской публикации 1771 г.» [Фермойлен 1994 : 107]. Возникает вопрос: существовала ли до 1771 г. сама наука, подпадающая под определение *Völkerbeschreibung* или *Völkergeschichte*?

По записям Академии 1760-х гг. проходят различные «истории»: сибирская, китайская, японская, камчатская (Журнал Комиссии Академии наук конца 1760-х гг.). Еще раньше научный интерес Миллера приобрел вполне «этнографическую» форму в том плане, что он изучал не просто историю, но именно «историю и географию», или «по сие время исторические и географические известия» [Пекарский 1880 : 327]. Прибыв

в 1734 г. в Тобольск, Миллер «положил начало осмотра сибирских архивов и велел списывать те из дел, которые могли объяснить историю и географию страны» [Пекарский 1880 : 322]. В 1737 г. Миллер инструктирует и посылает в Камчатку студента Степана Крашенинникова [Пекарский 1880 : 326]. Результатом стала знаменитая книга «Описание земли Камчатки» («Камчатская история»), этнографичность третьей части которой («О камчатских народах») не вызывает никаких сомнений. В сущности собственный труд «Сибирская история» Миллера по содержанию представляет собой «историю и географию», т. е. примитивную модель этнографии.

О сложении этнографической терминологии, опиравшейся на методику полевых исследований, можно говорить уже с начала 1740-х гг. 7 октября 1740 г. Миллер писал из Тобольска в Академию: «Это путешествие было мне весьма полезно для полнейшего изучения остяцких и вогульских инородцев, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам заметок о всем, касающемся самоедов...» [Пекарский 1880 : 329]. Вышеупомянутая инструкция Миллера «Unterricht, was bey Beschreibung der Völker, absonderlich der Sibirischen in acht zu nehmen» в рассеянном виде (т. е. в виде отдельных статей) фактически уже содержит в себе описание предмета исследования этнографии как с точки зрения в настоящее время общепринятых методов классификации народов, так и с точки зрения подхода к определению самого понятия народа. Согласно Миллеру, в описание народа должны входить такие признаки, как образ жизни (оседлый или кочевой), среда обитания (степное, лесное пространство и пр.), хозяйство (скотоводство, рыболовство), религия, одежда, жилище, родство с другими народами, определяемое языком, физический облик (например, форма носа), наконец, наличие самоназвания, а также названий, данных другими народами [Russow 1900 : 38—43]. Воззрения Миллера в некоторых аспектах поразительно совпадают с современной теорией этноса. В частности, он обращал внимание на то, что народы на основе некоторых общих особенностей (Eigenschaften) могут объединяться в более крупные единицы (Haupt-Abtheilungen), которые примечательны тем, что имеют много общего в «нравах и обычаях» (Sitten und Gebräuchen) [Russow 1900 : 37].

Таким образом, высказывания Шлёцера, с которыми теперь принято связывать рождение этнографии (Völkerkunde),

в действительности лишь подводят итог деятельности сообщества исследователей «истории народов», к тому времени уже многие десятилетия существовавшего в России. Независимо от того кто изобрел специальный термин для обозначения зарождавшейся науки «описания народов», или «истории и географии», ее создателем несомненно был Миллер, в своих исследованиях впервые начавший выделять ее из других наук. Крайнюю форму идея «истории народов» как особой науки приобрела в XX в. также в России. Представление об этнографии прежде всего как науке об этногенезе и этнической истории стало главной концепцией при подготовке профессиональных этнографов на кафедре этнографии и антропологии, созданной на историческом факультете Санкт-Петербургского (в то время Ленинградского) государственного университета [Итс 1991 : 8].

«Географическая» концепция, неразрывно связанная с «исторической», берет свое начало во взглядах Иоганна Гаттерера, тоже геттингенца, современника и коллеги А. Шлёцера. В его книге, вышедшей в 1775 г., этнография, или *Völkerkunde*, рассматривается как одна из отраслей географии как раз на том основании (см. выше), что у многих народов, которые призвана изучать эта наука, нет письменной истории [Фермойлен 1994 : 102]. В России этнография как «географическая» наука впервые оформляется на правах отделения Географического общества (1847). В учебной литературе географическая концепция происхождения этнографии косвенно обосновывается практикой первоначального накопления этнографических знаний по культуре неевропейских народов, когда в роли собирателей выступали путешественники, натуралисты и географы [Токарев 1978 : 22]. См. выше мнение британских ученых начала XX в. о географических корнях антропологии (этнографии), основанное на фактах формирования музейных поступлений. В России географический подход особенно ярко проявился в работах Л. Н. Гумилева, который преподавал на географическом факультете Ленинградского государственного университета. По его определению, этнология («теоретическая этнография») — *географическая* наука об этногенезе, который понимается как некий природный процесс, связанный с возникновением и существованием этносов [Гумилев 1990 : 18—20, 500].

Теперь, оглядываясь на историю зарождения этнографии, можно сделать вывод, что схождение концепций этнографии

Р. Ф. Итса и Л. Н. Гумилева носит объективный характер. Феномен возникновения этой дисциплины в одинаковой степени объясняется и результатом ее отделения от истории и географии, и результатом соединения в ней истории и географии. История оперирует понятием «государства», география — понятием «страны», но и то и другое ассоциируется с понятием «народа» или «народов».

Понятие «народов», точнее, представление о «народах» было первой, еще несовершенной попыткой выделения предмета исследования этнографии на фоне истории и географии, на фоне представлений о «государствах» (Städte) и «землях» (Länder). По определению Шлёцера, история народа — это история населения государства или страны, а народы — это составные части населения земли, объединяемые в большие и малые группы на основании определенных сходств (Ähnlichkeiten) входящих в них людей между собой и отличий от других подобных множеств людей [Цит. по: Stagl 1974 : 76, 77]. Понятие различий культуры, хотя вроде бы и подразумевается, в качестве элемента определения народа Шлёцером не вводится. Это очень важный момент для понимания того, какое место занимает представление о народах в рамках вопроса о предмете этнографии.

В этом контексте можно говорить о народах как «прото-предмете», общем для множества наук. Ю. В. Бромлей в свое время писал о необходимости различения предмета и объекта при определении дисциплины этнографии, но при этом явно неверно соотносил понятие «предмет» с понятием «объект», поменяв их местами [Бромлей 1973 : 204, 205].

В схему «предмет—объект исследования» необходимо ввести третий компонент: фрагмент исследуемой реальности в качестве первой ступени выделения субъекта исследования. Для этнографии этой ступенью, «протопонятием» является представление о «народе». Образно говоря, оппозиция «сырое—вареное» является скорее структурой разума ученых, в качестве предмета исследования «переваривающих» только уже нечто сублимированное. Представление о народах (группах) — это не предмет исследования, а сама реальность или ее фрагмент, из которого предмет только выделяется. Неслучайно все пишущие на эту тему авторы либо начинают с тривиального утверждения, что этнос — это реальность, либо отрицают этнос как реальность прямо или в глазах своих оппонентов.

Предметом исследования является культура как некое свойство народа или срез представления о нем. Мы настолько привыкли к некоторым ставшим классическими формулировкам, что перестали видеть в них некий простой смысл. «То обстоятельство, — писал Тэйлор, — что целый народ имеет свой особый костюм, особые орудия и оружие, особые брачные и имущественные законы, особые нравственные и религиозные учения, представляет замечательный факт, на который мы обращаем так мало внимания лишь потому, что мы провели всю нашу жизнь в этой среде. Этнография имеет дело именно с такими общими и единообразными свойствами организованных человеческих групп» [Тэйлор 1939 : 6, 7]. С. А. Токарев упрекает Тэйлора в неспособности сделать из этого практический вывод [Токарев 1978 : 43]. Но вывод уже сделан: предметом исследования этнографии (то, с чем этнография «имеет дело») является культура, определяемая как общие и единообразные свойства организованных человеческих групп, а не сами эти группы. О том, что это культура особого, бесписьменного, типа, первым догадался Гаттерер.

Даже весьма поверхностный обзор существующих определений вопреки общему мнению показывает единство представлений о предмете этнографии (а равно антропологии). Изучая «народы» или «человека», этнографы в конечном счете всякий раз обращаются к их культуре. Поставим небольшой эксперимент, показывающий, что все замыкается на понятии культуры. По определению С. А. Токарева, «этнография — это наука, изучающая народы, их быт и культуру». Существует строгое классификационное правило, согласно которому понятия, входящие в определение, должны исключать друг друга. Поскольку понятие народа подразумевает наличие у него своей культуры, а быт является морфологическим признаком культуры, в определении С. А. Токарева следует оставить только понятие культуры. Любое из известных определений (предмета) этнографии в конечном счете сводится к использованию культуры в качестве ключевого или родового понятия. Поэтому, учитывая самые обычные, всем известные положения, которые в качестве комментариев встречаются в любом учебнике по этнографии, определение С. А. Токарева можно свести к следующему: этнография — это наука, изучающая первобытную культуру. Книга Тэйлора, по существу являющаяся первым учебником по этнографии, так и называется: «Первобытная

культура». К этому можно добавить, что в повседневной практике научной жизни (в названиях публикаций или научных подразделений) само слово «этнография» рассматривается как синоним первобытной (традиционной) культуры. Ср.: этнография народов Австралии и Океании, этнография народов Восточной Азии, этнография народов Сибири

Понятие первобытной культуры

Широко известен опыт Крёбера и Клакхона, собравших более 150 дефиниций культуры. Их собственное определение культуры, вероятно, можно рассматривать как попытку сплава идей предшественников. Культура — это категория природы и прежде всего человеческой природы, сравнимая с такими категориями, как энергия, масса, эволюция [Kroeber, Klukhohn 1952 : 185]. Ключевыми понятиями при определении культуры для них являются «модель» и «поведение» [Kroeber, Klukhohn 1952 : 188, 189]. Это делает данное определение очень близким определению этноса Л. Н. Гумилева как «стереотипа поведения». Сходятся и многие другие детали. Возьмем более близкие по времени формулировки: классическое для советской науки определение культуры Э. С. Маркаряна как «совокупности специфически человеческих способов целенаправленной деятельности и ее результатов» [Маркарян 1983 : 61] или американского исследователя Борофски как «чисто человеческих, передаваемых через обучение традиций и обычаев, управляющих поведением и верованиями», как «способности пользоваться орудиями и символами» [Борофски 1995 : 5—6]. Вообще любое из существующих определений культуры является либо редуцированной, либо развернутой формой подобного понимания. Это означает только то, что авторы подобных определений придерживаются тезиса, согласно которому предложения с квантором общности говорят об *элементах*, а не о *свойствах элементов* данного класса. В этом смысле стиль высказываний о культуре как о системе «принципов», «символов», «идей», «образов», «ценностей» или «информационных аспектах» сути дела не меняет. Всем этим определениям недостает, с одной стороны, абстрактности, с другой — конкретности.

Вероятно, конкретные науки попросту не имеют средств разыскания универсального понятия культуры. Как универсаль-